

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

ПОД

ЗНАМЕНОМ

БЫКА

Чезаре Борджа

Рафаэль Сабатини
Под знаменем Быка

«Автор»

1915

Сабатини Р.

Под знаменем Быка / Р. Сабатини — «Автор», 1915 — (Чезаре Борджа)

Еще один роман, посвященный любимому персонажу Сабатини – «черному гению» итальянского Ренессанса Чезаре Борджа. Каким он был, этот великий и неоднозначный человек? Почему официальная история ославила его тираном и преступником, а современники столь восхищались им, что сам Никколо Макиавелли избрал его моделью идеального правителя в своей книге «Государь»? Противоречивый и многогранный образ Чезаре Борджа буквально оживает на страницах романа «Под знаменем Быка».

© Сабатини Р., 1915

© Автор, 1915

Содержание

Урбинец	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Рафаэль Сабатини

Под знаменем Быка

Урбинец

Глава 1

В своих рассуждениях в главе, касающейся выбора государем министров, об этом я еще скажу ниже, мессер Никколо Макиавелли делит человечество на три интеллектуальные категории. К первой принадлежат те, кто в силу врожденных способностей сами схватывают суть. Ко второй – кому достает ума уяснить то, что понимают другие. И к третьей – не понимающие ни сути, ни разъяснений более сведущих индивидуумов. Первая категория встречается редко, люди это изобретательные, идеи бьют из них фонтаном. Представители второй не лишены достоинств, трудолюбивы, исполнительны, но ждать чего-то нового от них не приходится. В-третьих, не найти ни ума, ни трудолюбия, они – паразиты, кормящиеся, и зачастую не без успеха, на первых двух а потому совершенно бесполезны.

Есть, однако, и четвертая разновидность человеческих существ, которых, похоже, проглядел высокоученый флорентиец, люди, сочетающие в себе особенности трех первых категорий. К последним я бы отнес знаменитого Корвинуса Трисмегистуса, являвшего собой удивительный сплав изобретательности и глупости, двуличия и наивности, лживости и доверчивости, находчивости и растерянности.

Начну с того, что мессер Корвинус Трисмегистус овладел, как указывала его фамилия, всеми секретами природы, медицины и магии. И слава о нем летела по Италии, как пена на гребне волны.

Он знал, к примеру, что мазь из скорпионов, пойманных греющимися на солнце в тот период, когда наше светило находится в созвездии Скорпиона, это самое важное условие, излечивала чуму. Он знал, что делать, если увеличилась селезенка: взять селезенку козла и приложить к больному месту на двадцать четыре часа, после чего селезенка больного уменьшится до нормальных размеров, и самочувствие его улучшится. Он знал, что зола от сожженной волчьей шкуры – лучшее средство от облысения, а быстрее всего останавливает льющуюся из носа кровь кора оливкового дерева, причем для пациента юных лет надо драть ее с молодого дерева, а для старика – со старого. Он знал, что змеи, сваренные в вине, а затем съеденные, излечивают проказу, благодаря способности змей менять кожу.

Он прекрасно разбирался в ядах и волшебных снадобьях и не делал секрета, такая уж открытая была его натура, из того, что в его власти вызывать духов и, при необходимости, воскрешать из мертвых. Он открыл эликсир бессмертия, который сохранял ему молодость и здоровье при его весьма почтенном, без малого две тысячи лет, возрасте. Открыл он и другой эликсир, который назвал Аква Челесте, позволяющий старику помолодеть на пятьдесят лет, вернуть утерянную юность.

Все это и многое другое знал Корвинус Маг (Магистр) вкупе, хотя некоторые завистники и старались показать, что уровень его знаний определяется степенью доверчивости современников, готовностью оставаться в дураках. Те же люди, хотя горячие приверженцы Корвинуса не верили ни единому их слову и полагали, что причина подобных выпадов – злоба и ненависть к великому человеку, утверждали, что истинные его имя и фамилия – Пьетро Корво, и последнюю он получил по матери, которая держала винный погребок в Форли и не могла с достаточной точностью определить, кто же был его отец. Добавляя, что двухтысячелетний

возраст не более чем выдумка, ибо живы еще многие из тех, кто видел его маленьким оборвышем, роющимся в помойках родного города.

Но, как бы то ни было, никто не отрицал, что он достиг высокого положения и теперь безбедно жил в Урбино, итальянских Афинах, колыбели искусства и науки. А богатство Корвинуса, полагалось многими, было веским доводом в пользу истинности его утверждений. Потому и шли к нему за советом, лекарством, наговором.

Дом его стоял на узкой улице за часовней святого Джованни. Дома на противоположных сторонах как бы тянулись друг к другу, коньки их крыш чуть ли не смыкались, оставляя между собой лишь узкую полосу неба.

Эта часть города как нельзя лучше подходила для занятий магией. Ибо другие, более широкие, центральные улицы Урбино дрожали в те дни под грохотом сапог армии Чезаре Борджа, герцога Валентино и Романы, нового правителя Урбино, выгнавшего вон герцога Гвидобальдо, покровителя ученых, художников, музыкантов. На эти же узкие, плохо вымощенные улочки новые хозяева не заглядывали, а потому там по-прежнему царили привычные мир и покой. И никто не мешал Корвинусу Трисмегистусу смешивать таинственные порошки и возгонять чудесные эликсиры.

Сюда же за его помощью и советом стекались люди со всех концов Италии. Вот и в первом часу светлой июньской ночи, спустя полмесяца после взятия Урбино армией Чезаре Борджа, к нему пришла, сопровождаемая двумя слугами, мадонна Бьянка де Фораванти, дочь знаменитого правителя Сан-Лео, единственного замка на территории герцогства Урбино, не сдавшегося (местоположение замка заведомо обрекало штурм на провал) Борджа.

Небеса одарили мадонну Бьянку богатством, юностью, благородным именем, а о ее образованности и красоте сложили немало песен. Недоставало лишь малости, но столь существенной, что все остальное казалось никчемным. Эта малость и привела ее ночью скромной просительницей в дом мессера Корвинуса. Чтобы не привлекать внимания, она пришла пешком, в маске, всего с двумя слугами. Едва они ступили на узкую улочку, мадонна Бьянка приказала загасить факел, которым один из слуг освещал путь. Так что к двери мага, то и дело спотыкаясь о булыжники, они подошли в полной темноте.

– Постучи, Таддео, – приказала она слуге, что нес потушенный факел.

При этих словах произошло первое из чудес, еще более убедившее мадонну Бьянку, что могущество мессера Корвинуса недоступно простому смертному.

Не успел слуга шагнуть к двери, как та неожиданно открылась, и на пороге возник высокий, облаченный в белое нубиец с фонарем в руке. Он поднял фонарь, осветив Бьянку и двух ее спутников. В этом, конечно, не было никакого чуда. Поразило Бьянку другое. На крыльце, словно материализовавшись из тьмы, появилась фигура в черном, до пят, плаще, с лицом, скрытым черной же маской. Человек этот поклонился мадонне и знаком предложил войти в дом.

Она в страхе отпрянула: придя за чудом, она, естественно, ожидала чудес, а потому ей и в голову не пришло предположить, что не она одна может жаждать помощи Корвинуса, что кто-то мог прийти раньше ее, и именно на его стук открылась дверь. И теперь этот господин пропускать ее вперед из уважения к ее полу и, судя по тому, что пришла она со слугами, знатности.

Бьянка истово перекрестилась, отметив при этом, что черный секретарь мага, так назвала она его для себя, не исчез, то есть не являлся исчадием ада, собралась с духом и переступила через порог, пусть и с дрожью в коленях.

Так называемый секретарь последовал за ней, а последними вошли в дверь слуги, от страха держась поближе друг к другу, хотя мадонна остановила свой выбор на них лишь потому, что они слыли смельчаками. Полумрак, господин в черном, улыбающийся во все тридцать два зуба, с огромными белками нубиец повергли их в ужас.

Нубиец закрыл дверь, с лязгом задвинул засов. Затем повернулся к гостям и спросил, по какому делу те пожаловали. Ответила ему дама.

– Я – Бьянка де Фораванти, и я ищу высокоученого мессера Корвинуса Трисмегистуса.

Нубиец поклонился, предложил ей следовать за собой и повел ее по длинному коридору, вымощенному каменными плитами. Качающийся фонарь отбрасывал желтые пятна света на темные стены. Они подошли к толстой дубовой двери и, миновав ее, оказались в просторной приемной. Пол устилал высохший камыш, у стены стояла деревянная скамья, рядом с ней – массивный, о четырех ножках стол, на нем – масляная лампа, дававшая больше копоти, чем света.

Нубиец махнул рукой в сторону скамьи.

– Ваш слуги могут подождать здесь.

Мадонна Бьянка кивнула, отдала короткий приказ. Слуги повиновались с видимой неохотой. Затем нубиец распахнул другую дверь, в дальнем конце приемной. В звяканье металлических колец отодвинул тяжелый занавес, за которым открылась черная дыра.

– Великий Корвинус Трисмегистус просит вас войти, – возвестил нубиец.

При всем своем самообладании мадонна Бьянка подалась назад. Но взгляд ее не отрывался от дверного проема, и, по мере того как глаза привыкали к темноте, она смогла различить, что за дверью еще одна комната. Бьянка собрала волю в кулак, напредила себе, что заставило ее прибегнуть к помощи мага, и решительно направилась в соседнюю комнату.

За ней по пятам, молча, двинулся и господин в маске. Бьянка восприняла это как должное, полагая, что этот мужчина – один из приближенных Корвинуса. Нубиец, со своей стороны, принял его, учитывая маску и дорогой плащ, за кавалера дамы и не счел нужным выяснить, кто он такой.

Вместе они прошли в тускло освещенную комнату. Тут же задернулся занавес, захлопнулась дверь.

Мадонна огляделась. Дыхание ее участилось, сердце гулками ударами сотрясало грудь. Полоска света вдоль стен у самого потолка, неведь каким образом оказавшаяся там, открыла ей три или четыре кресла с резными ножками, стол у стены напротив, уставленный загадочными сосудами из стекла и металла. Последние слабо поблескивали отраженным светом. Ни одного окна. Черные портьеры от потолка до пола. Холодно и тихо, как в могиле. И никаких следов мага.

Жутковатость комнаты лишь усилила ее благоговейный трепет, свойственный Бьянке здравый смысл отступил, давая место разыгравшемуся воображению. Она села, ожидая появления великого Корвинуса. И тут случилось второе чудо. Бросив короткий взгляд на черного секретаря, материализовавшегося перед входной дверью, чтобы сопроводить ее в дом, она обнаружила, к бесконечному своему изумлению, что тот исчез. Так же загадочно, как и появился перед ее глазами, теперь он растаял в окружающем сумраке.

Не успела Бьянка перевести дыхание, как в центре комнаты возникла огненная колонна, на мгновение ослепив ее. Она испуганно вскрикнула. А колонна исчезла, оставив после себя слабый запах серы. И тут же она услышала голос, ровный и спокойный.

– Не бойтесь, Бьянка де Фораванти. Я здесь. Зачем вы пришли ко мне?

Бедняжка глянула в направлении голоса, дабы лицезреть третье за вечер чудо.

У нее на глазах из непроницаемой тьмы, поначалу ей показалось, что комната обрывается там стеной, возник расплывчатый контур еще одного помещения, приличных размеров ниши, в которой и ожидал ее великий маг. Ей и в голову не пришло, что постепенная, растянутая во времени материализация мага – не более чем следствие медленной адаптации ее зрения к темноте после яркой вспышки. Наконец, все предметы обрели реальные очертания.

Бьянка увидела небольшой стол, скорее конторку, на которой лежал огромных размеров фолиант с пожелтевшими от времени страницами, серебряные застёжки книги блестели в свете

трехрожковой бронзовой лампы, пришедшей, судя по внешнему виду, из глубокой древности и сработанной, возможно, еще античными греками. В шаге от лампы с пола мрачно улыбался человеческий череп. Справа от стола на треножнике стояла жаровня, полная рубиновых углей. А за столом, в кресле с высокой спинкой, сидел мужчина в алой мантии и шляпе, формой напоминающей перевернутую кастрюлю. С худым, костистым лицом, выпирающими носом и скулами, высоким узким лбом, рыжей бородой. А глаза, устремленные на гостью, без сомнения, читали все ее мысли.

За его спиной виднелись плавильный тигель и перегонный куб, а над ними виселись полки, заставленные сосудами, ларцами, ретортами. Но не обстановка, а сидевший за столом человек полностью завладел ее вниманием. Ибо случившееся в последние минуты потрясло ее до глубины души.

– Говорите, мадонна, – все тот же ровный голос. – Я весь к вашим услугам.

Наверное, девушка пришла бы в себя куда быстрее, если б Корвинус объяснил ей физические основы столь необычного появления перед ее глазами. Но маги обычно не Делились своими маленькими тайнами, а потому голос Бьянки, когда она раскрыла-таки рот, дрожал от благоговейного трепета.

– Мне нужна ваша помощь. Отчаянно нужна.

– Она ваша. Все достижения науки у ваших ног.

– Вы... вы много знаете? – вопрос скорее напоминал утверждение.

– Безбрежный океан, – скромно констатировал маг, – не сравнится по глубине и широте с моими познаниями. Что вам угодно?

– Владеете ли вы секретами приготовления эликсиров, которые воздействуют не только на тело, но, при необходимости, и на саму душу?

– Мадонна, я могу остановить старение и вернуть душу, а значит, и жизнь умершему. А так как по закону природы большее всегда должно включать в себя меньшее, надеюсь, я полностью ответил на ваш вопрос.

– Но можете ли вы... – Бьянка замялась. А затем, отбросив последние страхи, встала и подошла к магу. – Можете ли вы повелевать любовью? – она шумно глотнула. – Можете ли вы разжечь лед, вселить страсть туда, где обитает безразличие? Можете... это вам по силам?

Маг выдержал паузу, не сводя с нее глаз.

– Это нужно вам? – в голосе слышались нотки удивления. – Или кому-то еще?

– Мне, – выдохнула Бьянка. – Только мне.

Корвинус откинулся на спинку кресла, любясь ее красотой, изогнутыми бровями, черными, забранными золотой сеточкой волосами, очаровательными глазами, чувственным ртом, статной фигурой.

– Магия, которой я владею, в полном вашем распоряжении, – медленно проговорил он, – но она не чета той магии, которой одарила вас природа. Неужели он может устоять перед чарами ваших губ и глаз? Кто тот мужчина, из-за которого вам пришлось обратиться ко мне за помощью?

– Увы! Об этом он и не думает. Его помыслы ограничены войной и оружием. И честолюбие – его единственная возлюбленная.

– Его имя? – спросил маг. – Имя и чин?

Бьянка потупила взор. Щечки зарделись румянцем. Она мялась, охваченная паникой. Но не решилась не ответить из опасения, что в случае отказа Корвинус не захочет помогать ей.

– Звать его Лоренцо Кастрокаро, – едва слышно прошептала она. – Он – дворянин из Урбино, кондотьер на службе герцога Валентино.

– Кондотьер, не видящий такой красоты, нечувствительный к такой женственности, мадонна? – воскликнул Корвинус. – Подобная аномалия, этакая *Lusus naturae*, потребует сильнейшего средства.

– И обстоятельства складываются против меня, – пояснила Бьянка, словно пытаюсь оправдаться. – Мой отец – правитель Сан-Лео, преданный сторонник герцога Гвидобальдо, а потому стоит ли удивляться, что он не пускает на порог тех, кто служит его врагу. И я боюсь, что отец примет все меры, чтобы помешать нашей любви.

Корвинус задумался, затем тяжело вздохнул.

– Вижу, что предстоит нам тернистый путь.

– Но вы поможете мне пройти его?

Их взгляды встретились.

– Стоить это будет недешево.

– Что мне деньги? Неужели я постою за ценой в таком деле?

Маг нахмурился, с достоинством расправил плечи.

– Поймите меня правильно. Здесь не лавка, где продаются и покупаются какие-то товары. Мои знания, моя магия на службе у всего человечества. Этим я не торгую. Я раздаю бесплатно всем, кто нуждается в моей помощи. Я раздаю много, очень много, но нельзя требовать от меня невозможного. Вещества, которые я собираю со всех концов земли, стоят дорого. И заплатить за них придется вам, потому что это снадобье пойдет для ваших нужд.

– Так у вас есть это снадобье? – воскликнула Бьянка, окрыленная надеждой.

Маг утвердительно кивнул.

– Любовный напиток, или приворотное зелье, не такая уж редкость. Его может сварить любая деревенская колдунья, благо хватает дураков, которые готовы поверить в могущество безграмотных старух, – голос его переполняло презрение. – Но в вашем случае, когда препятствия кажутся неодолимыми, требуется снадобье невиданной силы. Оно у меня есть, хотя и в малом количестве, ибо достать его очень и очень сложно. Главная его составляющая – вытяжка из мозга редкой африканской птицы – *avis rarissima*.

Дрожащими от нетерпения пальцами Бьянка отцепила от пояса тяжелый кошелек и бросила его на стол. Звякнули золотые монеты.

– Тут пятьдесят дукатов! Этого хватит?

– Возможно, – на золото он даже не посмотрел. – Если нет, я сам восполню недостачу, – и пренебрежительно, всем своим видом показывая, что деньги для него – ничто, маг отодвинул кошелек на край стола.

Бьянка выразила готовность заплатить больше, но Корвинус гордо отмел ее предложение. Поднялся, продемонстрировав широкий черный пояс, стягивающий алую мантию по талии, украшенный всеми знаками Зодиака, шагнул к полкам, взял с одной из них бронзовый ларец. Вернувшись, поставил ларец на стол, открыл, достал из него крохотный флакон – маленькую пробирку из прозрачного стекла, заткнутую пробкой и опечатанную.

В пробирке переливалась золотом тягучая жидкость, не более двенадцати капель. Маг поднял пробирку, жидкость блеснула в свете лампы.

– Это мой *elixirium aureum*, золотой эликсир, редкое и очень действенное снадобье, потребное для ваших целей, – и протянул Бьянке пробирку.

Та с радостным криком вытянула руки, дабы схватить пробирку. Но не успели ее пальцы коснуться драгоценного сосуда, как маг отдернул руку с пробиркой, а второй рукой указал на стул.

– Сначала послушайте меня. К этому золотому эликсиру вы должны добавить две капли своей крови, не больше и не меньше. Затем устройте так, чтобы мессер Лоренцо выпил эту смесь в вине. Сделать это надо, когда луна прибывает в размерах. Ибо с ее увеличением будет расти и страсть вашего кавалера. И прежде чем луна начнет убывать, этот Лоренцо Кастрокаро придет к вам, даже если ему придется сокрушить весь мир, и скажет, что он – ваш раб по гроб жизни. Сейчас самое время дать ему эликсир. Идите и будьте счастливы.

Бьянка взяла пробирку, рассыпавшись в благодарностях. Но скоро замолчала под укоризненным взглядом Корвинуса. А тот стукнул молоточком по маленькому гонгу.

Послышался звук открывающейся двери, звякнули кольца отдергиваемого занавеса, на пороге возник одетый в белое нубиец, готовый проводить ее к выходу.

Мадонна Бьянка поклонилась великому магу и удалилась, потрясенная обширностью его знаний и удивительной для столь ученого человека скромностью. Она уже шла в приемную, а нубиец все еще стоял у двери, ожидая, когда за Бьянкой последует пришедший вместе с ней мужчина. Но Корвинус, не зная, чем вызвана задержка нубийца, знаком руки отпустил его. Занавес задернулся, дверь закрылась.

Оставшись один, маг сбросил алую мантию и, забыв о безразличии к деньгам, присущем бессмертным, жадно схватил оставленный мадонной Бьянкой кошелек. Развязав шнур, высыпал золотые на раскрытую книгу. Любовно погладил монеты, усмехаясь в рыжую бороду, довольно хохотнул. И тут же, совершенно неожиданно для себя, услышал чей-то смех, презрительный, начисто лишенный веселья.

Корвинус резко поднял голову, инстинктивно прикрыв руками монеты, его глаза в страхе расширились. И у него была причина для испуга: перед ним, в нескольких метрах от стола, стоял мужчина, закутанный в черное: черный плащ, черная шляпа, черная маска, а два блестящих глаза сквозь отверстия в маске сверлили его взглядом.

Дрожа всем телом, побледнев лицом, с округлившимися глазами и отпавшей челюстью, охваченный невероятным ужасом, куда большим, чем тот, что он мог внушить своим клиентам, маг смотрел на возникшего перед ним фантома, уже убедив себя, и на то, признаем, были причины, что сам Сатана явился по его душу.

Пауза затягивалась. Корвинус пытался заговорить, но язык и губы, парализованные страхом, отказывались подчиниться.

Черная фигура неслышным шагом двинулась к столу. Колени мага подогнулись: он рухнул в кресло, ожидая смерти от руки адского создания. По крайней мере, он знал, что заслужил ее за свои грехи.

Призрак же остановился на расстоянии вытянутой руки от Корвинуса и заговорил, пусть и насмешливым, но, безусловно, человеческим голосом.

– Приветствую тебя, о Трисмегистус!

Какие-то мгновения понадобились Корвинусу, чтобы осознать, что перед ним человек. Еще секунды ушли на то, чтобы совладать с разбушевавшимися нервами. И наконец к магу вернулся дар речи.

– Кто вы? – фальцетом выкрикнул он.

Плащ распахнулся, открыв бархатный, расшитый золотом камзол. За поясом торчала украшенная большими рубинами рукоять тяжелого, длинного кинжала. Бриллианты, словно большие капельки воды, сверкали на черных перчатках. Правая рука поднялась, чтобы снять маску, и глазам мага предстало молодое, благородное, с орлиным носом лицо Чезаре Борджа, герцога Валентино и Романы.

Корвинус узнал его сразу, а узнав, пожалел о том, что его гость – герцог, а не дьявол, как он поначалу подумал.

– Ваша светлость! – воскликнул он, а затем с губ его сорвался вопрос, довольно странный для того, кто похвалялся знанием всех секретов. – Как вы попали сюда?

– Я тоже кое-что смыслю в магии, – насмешливо улыбаясь, ответил герцог, тряхнув темно-русыми кудрями.

Он не счел необходимым объяснять, что вся его магия заключалась в следующем: войти вместе с мадонной Бьянкой де Фораванти, а затем бесшумно нырнуть за черные портьеры, развешенные вдоль стен.

Но маг уже смекнул, что к чему. Кому легче распознать обман, как не самому обманщику? Уж кто-кто, а Корвинус звал истинную цену своей магии, а потому более не сомневался в том, что герцог проник в его кабинет вполне естественным путем, через дверь, а не сквозь стену. А как именно, предстояло узнать у нубийца, который во всех случаях заслуживал хорошей порки. Пока же требовалось понять, за чем, собственно, пожаловал герцог, и душа мага вновь наполнилась тревогой.

А потому, скрывая беспокойство, он широко улыбнулся герцогу и быстренько смахнул дукаты обратно в кошелек, оставив без внимания две-три монетки, укатившиеся под стол. Затем отложил кошелек в сторону, откинулся на спинку кресла, тогда как герцог все еще стоял перед столом, и провел рукой по длинной бороде.

– Наши магии в чем-то да разнятся, – в утверждении слышался и намек вопроса.

– Иначе я бы не пришел сюда, – подтвердил герцог его догадку и сразу перешел к делу. – Мне говорили, что вы нашли эликсир, который воскрешает мертвых.

– Это истинная правда, мой господин, – к магу уже вернулось обычное самообладание.

– Вы его проверяли? – спросил Чезаре.

– На Кипре, три года тому назад. Я вернул жизнь человеку, умершему двумя днями раньше. Он все еще жив и может дать показания.

– Твоего слова мне вполне достаточно, – в голосе герцога слышалась едва уловимая ирония. – При необходимости ты, несомненно, сможешь проверить действенность эликсира на себе, не так ли?

Корвинус похолодел с головы до ног, но нашелся с ответом.

– При необходимости, да, ваша светлость.

Чезаре довольно кивнул, и Корвинусу сразу полегчало.

– Эликсир у тебя здесь?

– Его хватит, чтобы оживить одного человека, но не более того. Процесс изготовления очень сложный, составляющие стоят ой как недешево, да и достать их – великая проблема.

– Особенно если возникает необходимость привозить из Африки редких птиц, – герцог откровенно насмехался над магом, но тот и бровью не повел.

– Нет, ваша светлость. В состав эликсира входят...

– Вот это меня не интересует, – оборвал его герцог. – Давай сюда эликсир!

Корвинус поднялся, повернулся к полкам, пошарил на них. Вновь сел за стол, держа в руке флакон с кроваво-красной жидкостью.

– Вот он, – он поднял сосуд к свету. – Нужно разжать зубы умершему и залить эликсир в горло. Через час человек оживет, при условии, что его тело предварительно согрели у огня.

Чезаре взял флакон затаенной в перчатку рукой, задумчиво посмотрел на него.

– Эликсир не подведет?

– Ни в коем разе, – заверил его маг.

– Он подействует независимо от того, как умер человек?

– Именно так, ваша светлость, при условии, что целы все жизненно важные органы.

– А если смерть вызвана адом?

– Эликсир растворит в себе и нейтрализует любой яд, точно так же, как растительное масло растворяет жемчуг.

– Прекрасно, – и губы герцога изогнулись в холодной улыбке. – Перейдем к следующему делу. Трисмегистус, – он задумчиво потеребил темно-русую бороду. – По Италии ходит слух, возможно пущенный именно тобой ради собственной же рекламы, что Его святейшество отравил султана Джума, а яд, столь удивительный, что подействовал лишь через месяц после того, как султан принял его, Святой отец получил от тебя.

Герцог замолчал, ожидая ответа, а по телу Корвинуса вновь пробежала дрожь – таким уж ледяным холодом повеяло от тона Борджа.

– Это ложь, ваша светлость. Я не имел никаких дел с Его святейшеством и не давал ему никаких ядов. Я даже не знаю, от чего умер турецкий султан, и уж никогда не говорил, что имею к этому хоть малейшее отношение.

– Откуда тогда пошел этот слух и почему твое имя упоминается в связи со смертью султана?

Корвинус поспешил с объяснениями. В чем, в чем, а уж в объяснениях ему не было равных.

– Возможно, произошло следующее. Я владею секретом приготовления такого яда, и есть люди, которые пытались получить его у меня. Скорее всего, кто-то из них, зная, что яд этот у меня есть, предположил, что именно с его помощью ушел из жизни турецкий султан, а посему и впледел мое имя в эту историю, к которой я не имею ни малейшего отношения.

– Изящное умопостроение, Трисмегистус, – покивал Чезаре. – Так ты говоришь, яд этот у тебя есть? Из чего он изготовлен?

– Это секрет, ваша светлость, – услышал герцог в ответ.

– А мне плевать. Я желаю знать, из чего он изготовлен, и спрашиваю тебя.

Ледяной тон герцога вселял больший ужас, чем яростный крик. Корвинус понял, что отвертеться не удастся.

– Он состоит из сока катапуса и высушенного яичного желтка, но приготовить его довольно сложно.

– Есть он у тебя сейчас?

– Да, ваша светлость.

Маг достал из бронзового ларца, того самого, где хранился золотой эликсир, маленькую деревянную шкатулку, открыл ее и поставил перед герцогом. Шкатулку наполнял желтый порошок.

– Одна драхма убивает через тридцать дней после принятия яда, две драхмы – через пятнадцать.

Чезаре понюхал порошок и саркастически улыбнулся.

– Я хочу провести эксперимент. Сколько яда в этой коробочке?

– Две драхмы, ваша светлость.

Герцог протянул ее Корвинусу.

– Глотай, – спокойно приказал он.

Маг вжался в спинку кресла.

– Мой господин!

– Глотай, – повторил Борджа, не повышая голоса.

– Вы хотите моей смерти, ваша светлость?

– Смерти? Неужели ты признаешь себя смертным, ты, великий Корвинус Трисмегистус, чьи знания шире и глубже безбрежного океана, ты, неподвластный болезням и старению плоти, проживший уже две тысячи лет? Или сила этого яда столь велика, что он может лишить жизни даже бессмертных?

Вот тут-то Корвинус начал осознавать истинную цель визита Чезаре. Действительно, он сам распустил слух о смерти турецкого султана от яда, которым он снабдил Борджа, удивительного яда, убивающего не сразу, а по прошествии некоторого времени. И слух этот принес ему немалую прибыль, ибо немало жен, желавших сменить мужей, да и мужей, которым надоели жены, обратились к нему за тем же ядом, он назвал его *veneno a termine* что свел в могилу знаменитого турка.

Он наконец-то понял, что Чезаре, получив сведения о том, какие деньги огреб маг на этой наглой лжи, решил наказать его. А Корвинус, надо отметить, при всей своей учености, сам верил в то, что изготовленный им яд убивает не сразу, а по прошествии определенного времени. Состав этот он нашел в древнем манускрипте, среди многих других, и искренне полагал,

ученых Чинквеченто отличала вера в силу слова, что действие яда в точности соответствует написанному в книге. В этом, собственно, маг ничем не отличался от тех, кто прибегал к его помощи.

Мрачная ирония герцога, его беспредельная власть над своими подданными, фатальность любой попытки сопротивления наполнили ужасом душу Корвинуса.

– Ваша светлость... – голос его дрогнул. – Не надо! Я боюсь, что все будет, как вы только что сказали!

– А если и будет, чего тебе бояться? Глотай, не тяни. Или ты забыл про эликсир, который возвращает мертвых к жизни? Даю честное слово, что его вольют тебе в горло, как только ты умрешь. Довольно болтовни. Прими этот яд, и мы посмотрим, умрешь ли ты ровно через две недели. А если не умрешь, клянусь спасением моей души, что я прикажу вздернуть тебя на виселицу, как шарлатана. И уж тут об оживлении речи не будет.

– Мой господин., мой господин! – простонал бедняга.

– Надеюсь, ты меня понял, – неумолимо гнул свое герцог. – Если яд действует, как ты и говоришь, и убьет тебя в положенный срок, твои же эликсир вернет тебе жизнь. Если он убьет тебя раньше, ты останешься мертвым. А если не убьет вообще... что ж, я тебя повешу и расскажу всю правду, чтобы люди знали, что твоя причастность к смерти турецкого султана – гнусная выдумка, на которой ты зарабатывал деньги. А если ты не подчинишься мне...

Взмах руки герцога наглядно показал, что в этом случае ждет мага.

Корвинус всмотрелся в прекрасные безжалостные глаза Борджа и понял, что выход у него один – из двух зол выбрать меньшее. Яд мог и не подействовать, а вот петля прямым ходом вела на тот свет. Кроме того, обладая немалыми познаниями в химии, он мог приготовить противоядие, а потом удрать из Урбино. Приведенные размышления Корвинуса показывают, сколь ничтожна была его вера в эликсир жизни.

Дрожащей рукой он поднял шкатулку.

– Не просыпь, – предупредил его Борджа, – а не то попадешь в руки палача, Трисмегистус.

– Мой господин! Мой господин! – заверещал бедолага. На глазах его выступили слезы. – Помилуйте! Я...

– Яд или палач, – сурово ответствовал герцог.

В отчаянии, подбадривая себя разве что мыслью о противоядии, маг поднес шкатулку к посеревшим губам и под пристальным взглядом Борджа высыпал в рот ее содержимое. Как только последняя крупинка покинула шкатулку, Корвинус бессильно откинулся на спинку кресла.

Герцог же рассмеялся, надвинул маску, запахнул плащ и двинулся к занавесу у двери.

– Спи спокойно, Трисмегистус, – насмешливо бросил он на прощание. – Я тебя не веду.

Сверля взглядом ненавистную спину герцога, такого самоуверенного, такого бесстрашного, Корвинус подумал о том, а не погасить ли ему свет и свести счеты с Борджа, призвав на помощь нубийца. С этой мыслью ударил он в гонт. А в следующее мгновение отказался от нее. Убийство Чезаре не спасет его, и чем быстрее тот уйдет, целый и невредимый, тем скорее он сможет принять противоядие, единственную свою надежду.

Дверь открылась, на пороге возник нубиец. Чезаре обернулся.

– Счастливо оставаться, Трисмегистус, – и со смехом вышел в приемную.

Корвинус же метнулся к полкам за противоядием, кляня почему зря герцога Валентино и весь род Борджа.

Глава 2

Едва нубиец открыл входную дверь, чтобы выпустить герцога, железные пальцы сжали ему шею, а у самого уха прозвучал свисток.

И мгновенно ожила до того тихая и пустынная улочка. Из подворотни на зов герцога выскочили люди в обмотанных тряпками башмаках. Двоим он передал извивающегося нубийца, остальным отдал короткий приказ.

– В дом! Арестуйте его! – с тем герцог и удалился.

Позднее ему доложили, что при аресте Корвинуса застали за смешиванием какого-то снадобья.

– Наверное, готовил противоядие, – поделился Борджа своей догадкой с офицером, доложившим подробности ареста. – Ты успел Б самое время, чтобы сохранить чистоту эксперимента. Этому Корвинусу ни в чем нельзя верить. Держать его под неусыпным наблюдением. Приставь к нему людей, которым можно доверять, и жди дальнейших распоряжений.

Затем Чезаре собрал на военный совет своих капитанов: венецианца Кореллу, Нальдо из Форли, Рамиро де Лоркуа, губернатора Романьи, одноглазого делла Вольпе и Лоренцо Кастрокаро. Последний, высокий, стройный, златокудрый, с мечтательными, темно-синими, как сапфиры, глазами, выделялся своей красотой. Чезаре ценил его за ум, отвагу, честолубие, но сегодня то и дело бросал на него оценивающие взгляды, как бы сравнивая то, что видел, с подслушанным у мага.

Как только капитаны заняли свои места, герцог приказал делла Вольпе, который руководил осадой Сан-Лео, доложить обстановку.

Смуглое лицо бывшего солдата помрачнело. Единственный глаз, второй делла Вольпе потерял на службе герцога, избегал встречи со взглядом Борджа. Он тяжело вздохнул.

– Успехов у нас нет, да, похоже, и не будет. Как известно вашей светлости, штурмом Сан-Лео не взять. Он стоит на вершине горы, как монумент – на пьедестале, и к нему ведет единственная дорога, простреливаемая со стен. И хотя гарнизон Сан-Лео не превышает сотни человек, с ними не справится я тысяча осаждающих. Ибо по дороге в ряд встанет не больше дюжины, а втащить в гору артиллерию невозможно.

– Однако мы не станем полными хозяевами Урбино, пока не овладеем Сан-Лео. Мы не можем оставить крепость в руках Фораванти.

– Тогда придется уморить их голодом, – предложил делла Вольпе.

– На это уйдет не меньше года, – вставил Корелла, специально занимавшийся этим вопросом. – Они заготовили много муки и других продуктов, а воду берут из колодца, находящегося под защитой крепостных стен. Едоков у них немного, так что осаждать мы их будем целую вечность.

– Сегодня прошел слух, что граф Фораванти тяжело заболел. Опасаются, что он долго не протянет.

– В Венеции, несомненно, скажут, что это я отравил его, – хохотнул Чезаре. – Впрочем, если он и умрет, пользы от этого нам не будет. Его кастелян, Толентино, возглавит оборону, а он еще упрямее, чем сам граф. Мы должны найти другой путь избавиться от них. А пока, Таддео, будь начеку и никого не пропускай в замок. Наглухо перекрой дорогу.

Делла Вольпе кивнул.

– Я уже принял необходимые меры.

Тут молодой Кастрокаро заерзал на стуле, наклонился вперед.

– Этих мер может оказаться недостаточно.

Делла Вольпе закатил единственный глаз, скорчил пренебрежительную гримасу, показывая, что этот молодой петушок еще слишком юн, чтобы учить тонкостям осады умудренного опытом ветерана.

– В Сан-Лео можно попасть и другим путем, – пояснил Кастрокаро, приковав к себе внимание присутствующих, а особенно герцога, чьи глаза разом зажглись огнем. Кастрокаро же улыбнулся, довольный тем, что разжег интерес своего господина. – Я имею в виду не дорогу, но тропу. Отрядом по ней не пройти, но какой-нибудь смельчак сможет пробраться в замок, чтобы пронести послание, а то и мешок с едой. Поэтому совершенно необходимо расставить посты по периметру горы, на которой высится Сан-Лео.

– Ты уверен в том, что говоришь? – резко спросил Борджа.

– Уверен! – без малейшего колебания ответил Кастрокаро. – Тропа, о которой я говорю, проходит по южному склону. Она опасна даже для горных коз, но при необходимости подняться по ней можно. Мальчишкой я сам частенько взбирался по ней на маленькое плато под южной стеной замка. А уж оттуда, чтобы попасть в Сан-Лео, достаточно веревки с крюком. Стена там очень низкая, не более двенадцати футов.

Герцог пристально смотрел на молодого капитана.

– Что ж, тут есть о чем подумать. Благодарю за ценную информацию Ты все слышал, делла Вольпе. Прими к сведению и возьми в кольцо всю гору.

Делла Вольпе поклонился, на том совещание и окончилось.

Следующим утром Борджа вызвал к себе Кастрокаро. Он принял молодого капитана в библиотеке дворца, просторной комнате с фресками на потолке, дорогими гобеленами и полками, уставленными манускриптами; книг, вышедших из-под печатных прессов, изобретенных немцами, герцог Гвидобальдо не признавал.

За столом, заваленном бумагами, что-то писал Агабито Герарди, секретарь герцога.

– Ты знаком, не так ли, с мадонной Бьянкой, дочерью Фораванти из Сан-Лео? – с ходу спросил герцог.

Лоренцо, застигнутый вопросом врасплох, густо покраснел и отвел глаза, дабы не встретиться взглядом с герцогом. Похоже, его очень заинтересовал открывающийся из окна вид.

– Наше знакомство более чем поверхностное, – ответил Лоренцо, и по его тону герцог понял, что в золотом эликсире Корвинуса едва ли есть хоть какая нужда. Волшебства красоты, которой одарила мадонну Бьянку природа, с лихвой хватило бы для того, чтобы очаровать молодого человека. О чем, собственно, и толковал Бьянке маг.

Герцог мягко улыбнулся.

– Если хочешь, я могу предоставить тебе возможность познакомиться с ней поближе.

Лоренцо гордо вскинул голову.

– Не понимаю вас, ваша светлость.

– Я разрешаю тебе лично сообщить мадонне Бьянке о том, что ее отец тяжело заболел.

– А зачем, ваша светлость? – Лоренцо не нравилось, что герцог держит его в полном неведении.

– Во-первых, это наш христианский долг, а во-вторых, – герцог понизил голос и вновь улыбнулся, – разве тебе не нравится мое поручение? Если нет, ты так и скажи, я найду другого посыльного.

Сбитый с толку, но явно заинтригованный, кондотьер поклонился.

– Я благодарю вашу светлость. Вы позволяете мне уйти?

Герцог кивнул.

– Когда вернешься, сразу зайди ко мне. Возможно, ты мне понадобишься для другого дела, – и с тем отпустил его.

Час спустя Кастрокаро вновь вошел, а скорее, вбежал в библиотеку дворца.

– Мой господин, – голос его вибрировал от волнения, – я передал ваше послание и вернулся с просьбой о милости. Мадонна Бьянка умоляла меня выдать ей письменный пропуск, дабы делла Вольпе не чинил ей препятствий, и она смогла проехать в Сан-Лео, ибо надеется, что ее уход и забота вырвут отца из объятий смерти.

– А ты? – резко спросил герцог, брови его грозно сошлись у переносицы.

Лоренцо опустил глаза.

– Я ответил, что не в моей власти дать ей такой пропуск, но... пообещал испросить его у вас. Ибо знаю, что в такой ситуации вы не станете мешать воссоединению отца и дочери.

– Тебе известен мой вчерашний приказ, и с обещанием ты поторопился. На пути к славе обещания еще никому не помогали. Учти это на будущее.

– Но она в таком горе! – протестующе воскликнул мессер Лоренцо.

– Это мне понятно, – покивал герцог. – А потому говорила с тобой, как побитая собачонка, смотрела преданным взглядом, да еще поднесла чашу сладкого вина. И ты не смог устоять перед ее просьбой.

От Чезаре, пристально наблюдавшего за кондотьером, не ускользнуло, как дрогнули его ресницы, когда он упомянул о вине. Теперь он знал наверняка, что эликсир использован по назначению.

– За мной следили? – возмутился Лоренцо.

Борджа пренебрежительно повел плечами, оставив вопрос без ответа.

– Ты можешь идти, – отпустил он своего кондотьера.

Но мессер Лоренцо, пребывая в воинственном состоянии, не двинулся с места.

– А как же разрешение для мадонны Бьянки?

– Есть веские основания для того, чтобы ни один человек не мог попасть в Сан-Лео, – холодно ответил герцог. – И, несмотря на твое обещание, я вынужден отказать тебе. Таковы законы военного времени. Чувства отступают перед жизненной необходимостью.

Опечаленный, кондотьер поклонился и убыл. Вселив в мадонну Бьянку ложные надежды, не выполнив того, что пообещал, он не мог заставить себя вновь предстать перед ее очами, а потому послал пажа, чтобы тот сообщил об отказе герцога пропустить ее к отцу.

Однако Чезаре Борджа проявил в этом деле завидную непоследовательность. Ибо, едва за Кастрокаро закрылась дверь, он повернулся к своему бледнолицему секретарю.

– Напиши пару строк для делла Вольпе. Если мадонна Бьянка де Фораванти попытается проникнуть через его посты в Сан-Лео, ей не должны чинить препятствий.

На круглой, бледной физиономии Агабито отразилось изумление. Но Чезаре, глядя на него, хитро улыбался. Герарди работал у Борджа достаточно долго, чтобы знать, что улыбка эта означает одно: Чезаре приступил к реализации одного из своих хитроумных планов, детали которых он всегда держал при себе. А потому без лишних вопросов секретарь склонился над столом, и перо его закрипело о бумагу. И очень скоро посыльный повез приказ Борджа в лагерь делла Вольпе.

В ту самую ночь мадонна Бьянка оправдала ожидания Борджа: в кромешной тьме проскользнула мимо часовых и к утру уже была в Сан-Лео. В Урбино об этом знал только Чезаре. Делла Вольпе доложил о приезде дочери правителя замка еще до рассвета. Жизнь во дворце Бьянки текла своим чередом, как будто хозяйка никуда и не отъезжала, но тем, кто хотел ее видеть, говорили, что мадонне нездоровится и она не выходит из спальни. Среди тех, кто заглянул во дворец, был и Лоренцо Кастрокаро. Когда же его не пустили к Бьянке, он решил, что та сердится на него, ибо он не выполнил своего обещания. Уехал он из дворца молчаливый и угрюмый.

Два дня спустя пришло известие о смерти Фораванти, и Кастрокаро отправили в Чезену с поручением, которое мог выполнить офицер более низкого ранга. Еще через десять дней его

срочно вызвали в Урбино. Выполняя приказ, он явился к герцогу прямо с дороги. И попал на военный совет. Делла Вольпе докладывал о ходе осады.

– Ты приехал вовремя, – такими словами встретил герцог мессера Лоренцо, отодвинув в сторону привезенные им послания. – Мы собрались, чтобы обсудить ситуацию с Сан-Лео. Этот Толентино не менее упрям, чем Фораванти. С сопротивлением Сан-Лео надо кончать. И ты, Лоренцо, нам в этом поможешь.

– Я? – удивился кондотьер.

– Сядь, – герцог указал на стул, который тут же и занял Лоренцо. – И слушай. Ты должен понимать, что я не могу командовать тобой в таком деле, ибо не вправе подвергать одного из лучших своих офицеров смертельной опасности. Но я расскажу, что нам нужно, причем сделать это может лишь человек, который знает то, что известно тебе, и готовый пойти на смертельный риск.

Кондотьер кивнул, показывая, что внимательно слушает. Его синие глаза не покидали лица Борджа.

– Ты рассказал нам о тропе, ведущей к Сан-Лео, о которой знают немногие, и ты в том числе, – продолжил герцог. – Ты сказал, что человек, добравшись по южному склону до стен замка, сможет с помощью крюка и веревки проникнуть в Сан-Лео. Так вот, если сделать все это под покровом ночи, бесшумно снять часового, а затем открыть ворота, остальное не составит труда. Отряд делла Вольпе подойдет по дороге к воротам, а как только они приоткроются, ворвется в замок и захватит его с минимальными потерями.

Под пристальным взглядом герцога Лоренцо обдумал его слова.

– Дельное предложение. Дельное и выполнимое, при условии, что тот, кого вы пошлете, знает тропу и бывал в замке.

– Разумеется, это обязательное условие, – Борджа пристально смотрел на кондотьера.

– Я готов, – не замедлил с ответом мессер Лоренцо. – И если небеса мне помогут, вернусь с победой.

– Но понимаешь ли ты... что будет... если тебя схватят? – спросил герцог.

– А что тут понимать? – пожал плечами Лоренцо. – Или повесят в назидание остальным, или сбросят вниз.

– Что ж, тот, кто рискует, должен знать, что его ждет не только при проигрыше, но и в случае успеха. Если мы захватим замок, ты станешь его губернатором с жалованьем в десять тысяч дукатов.

Мессер Лоренцо покраснел от удовольствия. Его глаза заблестели, а голос зазвенел от уверенности в собственных силах.

– Я вас не подведу. Когда выходить?

– Думаю, завтрашней ночью, если ты настроен столь решительно. А пока хорошенько отдохни. Силы тебе ой как понадобятся. На этом все, господа. Будем надеяться, что мы нашли-таки способ захватить Сан-Лео.

Глава 3

Надеюсь, вы понимаете, что мессер Кастрокаро не имел ни малейшего понятия о событиях той ночи, когда герцог посетил дом мессера Корвинуса Трисмегистуса. И теперь вам, несомненно, ясно, с какой тщательностью подбирал Чезаре Борджа исполнителей своих поручений.

Безошибочность выбора Борджа и вдохновила Макиавелли, лично знавшего герцога и видевшего в нем многие, если не все, черты идеального государя, на написание специальной главы о министрах.

«О государе и его интеллектуальных способностях, – пишет он, – прежде всего надо судить по тем людям, что его окружают. И если они верны ему и способны выполнить его поручения, он, несомненно, мудрый государь, ибо выбрал компетентных помощников и сохранил их верность к себе».

Макиавелли пишет лишь то, что, безусловно, написал бы Чезаре Борджа, если б он занимался теорией, а не практикой. И действительно, Макиавелли сам косвенно это признает, именно на фундаменте практических действий Чезаре строил флорентиец свои теоретические выкладки. Так что едва ли мы уйдем далеко от истины, заявив, что, хотя «Государь» написан Макиавелли, настоящим автором является Чезаре Борджа, ибо его решения и действия Макиавелли изложил на бумаге.

Вот и сейчас он остановил свой выбор на самом молодом из капитанов, но, безусловно, единственном, имеющем шансы на успех. Рассмотрим же, на чем основывалось решение Борджа. В какой-то мере на том, что Кастрокаро уже доводилось подниматься к Сан-Лео по горной тропе. Но в большей степени на умении Чезаре манипулировать и людьми, и обстоятельствами.

Если сейчас читателю еще не все понятно, к концу нашего рассказа неясностей уже не останется. Но не надо думать, что события, о которых пойдет речь ниже, – дело случая. Нет, все произошло, как и планировал Чезаре. Он открыл некие силы и научился запрягать их, словно лошадей, направлять на достижение поставленных им же целей.

Чезаре отдавал себе отчет, что случай может сбавить их ход, увести в сторону, но он знал наверняка, что не случай приведет их в намеченный пункт.

Во второй половине следующего дня, отдохнув от дальней дороги, мессер Лоренцо Кастрокаро выехал из Урбино в сопровождении полудюжины солдат и к вечеру безо всяких приключений прибыл в лагерь делла Вольпе у Сан-Лео. После ужина, закончив последние приготовления, он приступил к выполнению смертельно опасного задания.

Оделся Лоренцо во все черное, чтобы не попасться на глаза не в меру бдительному часовому. Под камзол надел тонкую, но прочную кольчугу. Вооружился мечом и кинжалом. Вокруг тела обмотал веревку, крюк обернул соломой и закрепил на спине, чтобы последний не сковывал его движения.

За ужином они с делла Вольпе вновь подробно обговорили всю операцию. Пятьдесят солдат под его командованием должны были неслышно подняться к самому замку и залечь у ворот, ожидая, когда их откроет Кастрокаро. Потом им предстояло овладеть Сан-Лео.

Стояла ясная летняя ночь. В небе плыла полная луна, освещая окрестности Сан-Лео. Мессера Лоренцо это не смущало. Он знал, что, пока он преодолевает нижнюю часть подъема, увидеть его со стен невозможно. А ближе к полуночи, когда он рассчитывал достичь вершины, луна уже закатится за горизонт и темнота послужит ему надежным укрытием.

А потому он двинулся к южному склону огромной скалы, на вершине которой высились грозные стены и башни Сан-Лео, окрашенные луной в серые тона.

Поначалу шагалось легко, подъем не вызывал особых трудностей. Но скоро тропа стала уже, уклон круче, камни то и дело вылетали из-под ног. Чтобы не последовать за ними, ему

приходилось соблюдать максимум осторожности, а потому продвижение сразу замедлилось. Лоренцо собрал волю и силы в кулак, понимая, что самое трудное еще впереди.

Его не обуревали ни сомнения, ни колебания. Прошло добрых десять лет с тех пор, как мальчишкой он взбирался по этим кручам. Но воспоминания детства – самые яркие, а потому он уверенно поднимался все выше и выше, словно только вчера шел той же тропой. И каждый выступ, за который он хватался, каждое углубление, куда ставил ногу, оказывались именно там, где он и ожидал.

Час спустя он преодолел уже треть подъема, но не достиг еще самого сложного участка. Найдя небольшую заросшую травой площадку, Лоренцо сел, привалившись спиной к скале, чтобы немного отдохнуть и перевести дух.

Перед ним, залитая серебристым светом, расстилалась равнина Эмилии, далеко на востоке блестело под луной море, на западе сверкали льдом пики Апеннин. А над головой грохотился серый утес, обрывистый, как стены сооруженного на его вершине замка. И опытный скалолаз, наверное, десять раз подумал бы, прежде чем взбираться по такому обрыву, да и горный козел, скорее всего, искал бы обходной путь. Так что и мессер Лоренцо, окидывая оценивающим взглядом поднимающуюся все выше тропу, осознавал, что именно на ней подстерегает его главная опасность. А все остальное: вскарабкаться по стене, уложить часового или двух, открыть ворота – сущие пустяки по сравнению со схваткой с горой. Ибо один неверный шаг, мгновенное колебание, секундное головокружение означали неминуемую смерть.

Кастрокаро поднялся, вдохнул полной грудью ночной воздух, прошептал короткую молитву своему небесному покровителю, святому Лоренцо, и двинулся дальше. Прикинув всем телом к шершавому камню, цепляясь руками и ногами за малейшие неровности, по узкой скальной полоске он перебрался на другой выступ. Отдышался, возблагодарил святого, что тот не оставил его своими заботами.

Дальше идти стало легче, тропа расширилась до трех футов. Но хорошее всегда кончается. Вот и тропа оборвалась пропастью, которую он мог преодолеть только прыжком.

Боясь, что меч, зацепившись, помешает ему, Лоренцо расстегнул пояс и снял с него грозное оружие. Сделал он это с сожалением, меч не раз выручал его в жарких схватках. Успокаивало Лоренцо лишь одно: он сам мог не пережить этой ночи. Затем он собрал волю в кулак и прыгнул через пропасть к чахлому деревцу, неведь каким образом выросшему на самом обрыве. Руками и ногами обхватил хлипкий ствол и, если бы корня не выдержали, полетел бы вместе с ним вниз. Но дерево устояло, Лоренцо нашел опору для ног и добрался до уходящей вверх расщелины. По ней он и пополз, упираясь в стены локтями и коленями.

По расщелине Лоренцо поднялся на двадцать футов, вылез на очередной уступ и сел, мокрый от пота, тяжело дыша от усталости. Искоса глянул он вниз, и по его телу пробежала дрожь. Но не оставалось ничего иного, как продолжать подъем, ибо едва ли он смог бы спуститься тем же путем, что пришел.

И он полез вверх, думая лишь о том, за что схватиться рукой и куда поставить ногу.

Один раз Лоренцо чуть не сорвался вниз. Он распластался на стене, уцепившись обеими руками за крошечный выступ, и поднял ногу, чтобы поставить ее повыше, когда из какой-то пещеры в нескольких ярдах над его головой с жутким криком вылетело что-то огромное и унеслось прочь. От неожиданности Лоренцо едва не ослабил хватку, его прошиб холодный пот, но память услужливо напомнила, что на утесе селились летучие мыши. А потом, еще час спустя, когда луна скатилась за горизонт, страх наконец-то проник в его душу. Но привыкшие к темноте глаза не подвели его, и Лоренцо сразу приободрился. К тому же чистое небо сияло звездами, и их света хватало на то, чтобы различить находящиеся в непосредственной близости предметы. Однако требовалась предельная осторожность, дабы не принять тень за выступ или углубление: ошибка могла стать роковой.

И уже за полночь, вымотавшийся донельзя, с разбитыми в кровь руками, разорванной одеждой, Лоренцо вылез на площадку под южной стеной. Он уже и сам не знал, каким чудом удалось ему преодолеть этот подъем. А потому лег на землю, чтобы отдохнуть перед последним рывком. И пока лежал, вновь прошептал благодарственную молитву своему покровителю. Как мы видим, о Боге наш мессер Лоренцо не забывал никогда.

Он смотрел на мерцающие звезды, а над его головой слышались мерные шаги часового, охраняющего замок. Трижды часовой прошел над ним, прежде чем Кастрокаро пошевелился. Затем встал и мысленно пожалел солдата, чью душу несколько мгновений спустя ему предстояло освободить из тела-темницы.

Лоренцо размотал веревку, отступил на шаг, раскрутил крюк и бросил его вверх. Он пролетел между двух зубцов, глухо стукнувшись о камни: солома, которой Лоренцо предусмотрительно обмотал крюк, смягчила удар.

Лоренцо потянул за веревку, надеясь, что крюк за что-нибудь зацепится. Но крюк свалился на землю у его ног. Вновь он бросил крюк, с тем же результатом. И лишь третья попытка оказалась удачной. Лоренцо повис на веревке, но крюк выдержал его вес.

Однако приближающиеся шаги часового подсказали Лоренцо, что спешить не стоит. И он ждал, пока часовой не прошел мимо, продолжая обход вверенного ему участка.

Тут Лоренцо поднялся по веревке, как матрос: перебирая по ней руками, упираясь ногами в стену. Пролез между зубцов, взгляделся в темный двор внизу. Все тихо. Лишь едва слышны шаги часового, огибающего северо-восточный угол.

Лоренцо отцепил крюк и зашвырнул его вместе с веревкой в пропасть, дабы никто не узнал, как он попал в замок, и мягко спрыгнул на парапет, окончательно осознав, что цель практически достигнута и он в замке.

Оставалось немного. Самое простое. Еще несколько минут, и войска Борджа ворвутся в Сан-Лео, а его гарнизон, застигнутый врасплох, предпочтет за лучшее сдаться. Мессер Лоренцо пришел к выводу, что можно обойтись и без убийства часового. Ибо если улучить удобный момент, тот даже и не услышит, как открывают ворота. Мысль эта нравилась ему все больше. Действительно, вдруг перед смертью солдат успеет криком поднять тревогу?

И Лоренцо двинулся к каменной лестнице, ведущей вниз, во внутренний двор замка. Двор он огибал по периметру, держась у самой стены, пока не подошел к арке, ведущей в наружный двор. С одной стороны арки находилось караульное помещение, с другой – часовня.

У арки Лоренцо вновь застыл, ожидая, пока часовой снова уйдет к северной стене замка. Ни одного огонька не горело в окнах, выходящих во двор. Обитатели замка крепко спали.

Лоренцо терпеливо ждал, пульс его уже не частил, ибо все волнения остались позади. Если через арку пройти не удастся – сверхбдительный гарнизон запер дверь на замок – ему придется подняться по лестнице, убить часового, а уж затем по стене добраться до главных ворот. Но он полагал, что защитники замка не так уж пугливы, чтобы бояться собственной тени.

По стене мимо него прошел часовой с пикой на плече, его силуэт смутно виднелся на фоне темно-синего звездного неба. Когда же часовой удалился на достаточное расстояние, Лоренцо потянул за ручку тяжелой двери. Она подалась, открыв перед ним черное жерло тоннеля. Лоренцо шагнул вперед, осторожно затворив за собой дверь. Опять подождал, резонно рассудив, что не след выходить в расположенный на севере наружный двор, пока часовой находится на северной же стене.

И тут ему показалось, что справа, из караулки, донесся мужской голос. Вновь гулко забилося сердце. Но более он ничего не услышал и решил, что его подвели напряженные, как струны, нервы.

Часовой, по его расчетам, вышел на южную стену, поэтому Лоренцо двинулся к выходу из тоннеля, но застыл, не пройдя и двух шагов. На дверь часовни, по его левую руку, в трех

футах от земли, падало овальное пятнышко света. Светлая же полоска виднелась и под дверью в караулку. Тут Лоренцо все понял. В караулке, окна которой выходили в наружный двор, еще бодрствовали. Там горел свет, вырывающийся в тоннель через щель под дверью и замочную скважину.

На мгновение Лоренцо задумался, а что же делать дальше. И решил, что останавливаться у самой цели резона нет. Открывать дверь во внутренний двор и возвращаться туда рискованно, еще опаснее торчать у караулки, где его могли обнаружить в любую минуту. Так что у него оставался единственный шанс – бесшумно, не потревожив охрану, открыть ворота. И осторожно, на цыпочках вдоль стены он двинулся к выходу из тоннеля. Но не сделал и трех шагов, как за крепким ругательством последовал громкий смех нескольких мужчин. Задвигались стулья, тяжелые шаги приблизились к двери.

Мессер Лоренцо в тот самый момент находился напротив нее. И от неожиданности допустил единственную ошибку. Ему бы резко броситься вперед и укрыться под покровом тьмы в наружном дворе. Но он застыл на месте, не в силах решить, в какую сторону податься. Эта задержка и погубила его. Потому что мгновения хватило, чтобы он оказался в ловушке, ибо уже не мог ускользнуть незамеченным ни во внутренний, ни в наружный дворы. А потому, сжав зубы, кляня себя за то, что слишком рано поверил в победу, мессер Лоренцо не двинулся с места, готовый встретиться с врагами лицом к лицу.

Дверь распахнулась, осветив темный тоннель и побледневшего, как мел, мессера Лоренцо. Рука его инстинктивно обхватила рукоять торчащего за поясом кинжала.

Увидев его, изумились и пятеро мужчин, столпившиеся на пороге караулки. Идущий первым, высокий, широкоплечий, затянутый в кожу, с бородой и густыми черными бровями, даже подался назад, перегородив дорогу остальным. Но быстро пришел в себя, широко расставил ноги и, уперев руки в бока, спросил: «А кто ты такой, черт побери?»

И тут Лоренцо осенило. Он шагнул к солдатам, всем своим видом показывая, что именно он, а не они, хозяин положения.

– Я рад, что хоть кто-то в Сан-Лео да бодрствует, – и недовольно фыркнул.

Солдаты заметно растерялись. А Лоренцо, заглянув за их головы, увидел на столе колоду засаленных карт. Теперь он понял, почему в караулке царила тишина: солдат захватила игра, так что было не до разговоров.

– Святой Боже, – развивал наступление Лоренцо, – бдительно же вы несете охрану. Солдаты Борджа могут стоять у ваших ворот, а вы этого и не заметите. Да вас можно передуть, как котят. Вы и пикнуть не успеете, не то что поднять тревогу. Мой Бог, да служи вы у меня, я бы отправил вас на кухню. С поварешками вы управились бы лучше, чем с алебардами.

– Отвечай, кто ты такой? – насутился бородатый.

– И пусть скажет, как он попал сюда, – добавил второй солдат с бородавкой на носу, протиснувшись мимо бородатого, чтобы получше рассмотреть незнакомца.

Кастрокаро гордо вскинул голову.

– Отведите меня к вашему командиру, мессеру Толентино, – потребовал он. – Пусть он узнает, как вы охраняете замок. Враг мог захватить его, пока вы сидели за картами. А ваш часовой, похоже, глух и слеп.

Властный тон Лоренцо произвел должное впечатление. Солдаты признали в нем человека, имеющего право командовать, хотя так и не могли понять, каким чудом он оказался в замке.

– Мессер Толентино спит, – пробубнил бородатый.

Им не понравился смех, которым Лоренцо сопровождал это известие. В нем чувствовались зловещие нотки.

– Я в этом не сомневался, иначе вы более серьезно отнеслись бы к своим обязанностям. Что ж, разбудите его!

– Но кто он такой, Бернардо? – не унимался солдат с бородавкой на носу.

И остальные одобрительно загудели, показывая, что пора разобраться с наглецом.

– Да, да, – кивнул Бернардо. – Вы еще не сказали нам, кто вы? – естественно, солдатам хотелось знать, то ли подчиниться незнакомцу, то ли скрутить его в бараний рог.

– Я – посол герцога Гвидобальдо, вашего господина, – последовал незамедлительный ответ. Молодой кондотьер еще не знал, куда приведет его выбранный им способ защиты, но другого способа спасти свою жизнь он пока не находил.

Уважения к нему сразу прибавилось, но более всего их интересовало другое.

– Но как вы попали сюда? – высказал солдат с бородавкой на носу мучивший всех вопрос. Мессер Лоренцо лишь махнул рукой.

– Какое это имеет значение? Достаточно и того, что я здесь. Мы что, будем задавать вопросы до самого утра? Разве я не сказал вам, что солдаты Борджа могут стоять у ваших ворот?

– Пусть стоят, – рассмеялся бородатый Бернардо. – Ворота Сан-Лео прочные, а если бродяги Борджа рискнут постучаться к нам, мы знаем, чем их встретить.

Однако взял фонарь и, сопровождаемый остальной четверкой, повел Лоренцо к двери в наружный двор. Пока они пересекали двор, солдаты бомбардировали Лоренцо вопросами, на которые он если и отвечал, то односложно, показывая каждым словом и жестом, что не в его привычках общаться с простой солдатней.

Затем они подошли к дверям башни, в которой жил мессер Толентино. Перед тем как переступить порог, Лоренцо бросил вожделенный взгляд на ворота Сан-Лео, за которыми ждал его делла Вольпе. Лишь несколько шагов отделяло его от них, чтобы открыть ворота, ему хватило бы и минуты, если б он был один, а не с пятеркой охранников. Да и часовой, привлеченный шумом в наружном дворе, с любопытством смотрел на них с крепостной стены. И делла Вольпе, надеялся Кастрокаро, услышав шум, должен понять, что операция провалилась и его взяли в плен. Разумеется, он полностью осознавал, что помочь ему делла Вольпе бессилен, и полагаться мог лишь на собственные ум и самообладание.

По винтовой лестнице меж стен, украшенных грубыми фресками, они поднялись в покои Толентино, кастеляна замка, ставшего правителем Сан-Лео десять дней тому назад, после смерти графа Фораванти.

Поднимаясь по лестнице, кондотьер приободрился. Пока все шло как нельзя лучше. Свою роль он сыграл безукоризненно, так что у солдат не возникло ни малейших подозрений. Если же теперь ему удастся задурить голову и кастеляну, тот распорядится выделить для него отдельную комнату, из которой он сможет выскользнуть через час-другой и открыть-таки ворота.

Готовясь к возможным вопросам, он вспомнил, что сопротивление Фораванти войскам Чезаре Борджа вызвало неудовольствие герцога Гвидобальдо. Последний высказался за то, чтобы сдать все замки на милость победителя, ибо их оборона могла привести лишь к новым жертвам, не изменив исхода войны.

Но главная проблема для мессера Лоренцо состояла в другом: Толентино мог потребовать документы, удостоверяющие, что он – посол герцога Гвидобальдо. А их у Лоренцо, естественно, не было.

Ему пришлось подождать, пока бородатый Бернардо прошел в спальню кастеляна, чтобы разбудить его и сообщить, что посол герцога Гвидобальдо, неведомо как проникший в замок, хочет его видеть.

Вскоре из спальни донеслись проклятия, сначала несвязные, потом более осмысленные. Кастелян тряхнул головой, чтобы окончательно проснуться, сел, опустив на пол длинные волосатые ноги, а затем приказал Бернардо ввести к нему посла.

Пусть у мессера Лоренцо и сосало под ложечкой, держался он очень уверенно. Решительно шагнул в спальню, отсалютовал кастеляну.

– Вы от герцога Гвидобальдо? – проворчал тот.

– Да, – кивнул Кастрокаро. – А будь я от Чезаре Борджа, да еще с дюжиной солдат, при таких бдительных часовых, как ваши, я мог бы стать хозяином Сан-Лео.

Расчет он делал верный – говорить все, как есть, дабы отвести подозрения. А вот с тоном ошибся. Ибо обращался он теперь не к простым солдатам, но к кастеляну замка, да еще известному своей вспыльчивостью. Случалось, что человек, вызвавший гнев Толентино, потом долго отходил от побоев. Все это знал мессер Лоренцо, но рискнул, ибо его самоуверенность служила лучшим доказательством того, что греха за ним нет.

Толентино уставился на него яростными, налитыми кровью глазами. Мужчина он был крупный, симпатичный, со смуглой кожей и черными волосами. И терпения его хватило ненадолго.

– Ангелы Господни! – проревел он. – Что-то этот петушок раскукарекался. Придется научить его держать язык за зубами, – кастелян злобно прищурился. – Кто вы?

– Посол герцога Гвидобальдо, как вам уже доложили. Что до остального, петушка и кукареканья, мы обсудим это в другое время.

Кастелян побагровел, попытался принять грозную позу, но без особого успеха, ибо ночная рубашка и колпак тому не способствовали.

– Каков наглец! – в голосе его смешались злость и изумление. Он несколько раз глубоко вдохнул и спросил уже более спокойно. – Как вас зовут?

– Лоренцо Снелло, – невозмутимо ответил Кастрокаро и добавил:

– Эти имя и фамилия нравятся мне больше, чем те, которыми вы меня обозвали.

– Так ты заявился сюда, чтобы сказать, что тебе нравится? – взорвался кастелян. – Послушай-ка, юнец, я тут господин, и мое слово – закон. Я могу отхлестать тебя плетью, повесить, сбросить со стены, и ни перед кем не держать отчет. Хорошенько это запомни и...

– Может, хватит? – повысил голос и Лоренцо. – Я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать ваши нотации. Стоило мне взбираться на утес, ежеминутно рискуя жизнью, чтобы вы кричали на меня, как на какого-то мальчишку. И не нужно говорить мне, что вы можете. Слова, они и есть слова. А вот чего вы не можете, я видел собственными глазами.

– И что же мы не можем? – приторно-сладким голосом спросил Толентино.

– Вы не можете охранять замок, не можете отличить слугу от господина и, возможно, что-то еще.

Кастелян потер подбородок. В душу его закралось сомнение. А вдруг этот юнец действительно послан герцогом Гвидобальдо?

Солдаты, выстроившись в ряд за спиной Лоренцо, молчали, но слушали внимательно и смотрели во все глаза. В словесной схватке Лоренцо явно брал верх. Допустить такое, да еще при свидетелях, кастелян не мог.

– Только действительно важное послание может оправдать твою наглость и спасти от порки, – грозно изрек он.

– Не мне оценивать важность послания герцога, – последовал дерзкий ответ – Но он обязательно узнает, каким унижениям подвергли вы человека, которого он любит и который рисковал жизнью на его службе. – в голосе Лоренцо зазвенели нотки обиды. – И позвольте отметить, господин мой, постов так не встречают. Не будь я верным слугой герцогу не принеси вам важное послание, я бы ушел тем же путем, что и попал сюда. Но он узнает, как меня здесь приняли, в этом можете не сомневаться.

Толентино стало не по себе.

– Господин мой, – протестующе воскликнул он, – вина в этом целиком лежит на вас. Почему вы сразу начали упрекать меня? Если я принял вас не слишком вежливо, то лишь

потому, что вы спровоцировали меня. С чего мне терпеть насмешки каждого хлыща, который думает, что может выполнять возложенные на меня обязанности лучше, чем я? Хватит об этом, – взмах руки показал, что перебранка окончена. – Давайте ваше послание, – и он протянул руку за письмом герцога Гвидобальдо.

Мессеру Лоренцо, естественно, не оставалось ничего иного, как утверждать, что послание ему велено передать устное.

– Мой господин просит вас сдаться герцогу Валентино, – и продолжил, ибо на лице Толентино тут же возникли сомнения и подозрительность:

– Чезаре Борджа предложил герцогу Гвидобальдо заключить с ним договор, согласно которому последний получил бы существенную компенсацию, если все замки на его территории прекратят сопротивление. Герцог Гвидобальдо решил подписать его, ибо отказавшись, он ничего не выигрывал, поскольку его герцогство уже занято войсками Борджа. Кроме того, продолжение осады Сан-Лео приведет лишь к бессмысленным жертвам как среди гарнизона, так и осаждающих, которых хотелось бы избежать. Вот почему герцог Гвидобальдо послал меня к вам с настоятельной просьбой начать переговоры об условиях капитуляции.

Надо отметить, что Кастрокаро был недалеко от истины. Предложи Чезаре Борджа подобный договор, герцог-гуманист скорее всего пошел бы на его подписание и действительно предложил бы сдаться тем замкам, что еще не открыли ворота перед победителями. Однако у проницательного Толентино остались сомнения. И он незамедлительно выложил их послу-самозванцу.

– У вас есть письмо, подтверждающее ваши слова?

– Письма у меня нет, – твердо ответил мессер Лоренцо, скрывая охватившую его тревогу.

– Клянусь Бахусом, это странно!

– Что ж тут странного, мой господин? – затараторил Лоренцо. – Вы же понимаете, сколь опасно иметь при себе такое письмо. Если б его нашли солдаты Борджа, я...

Тут он запнулся, осознав, что допустил серьезный промах. Толентино с силой шмякнул ладонью по ляжке, лицо его побагровело. Он вскочил.

– Одну минуту, – лицо его посуровело. – Давайте-ка разберемся с этим. Вы говорите, что принесли мне приказ, основанный на некоем договоре между Валентино и моим господином. Приказ устный, ибо письмо с таким содержанием, по вашим словам, таило для вас немалую опасность. Может, у меня что-то с головой, но я вас не понимаю, – голос Толентино уже сочился сарказмом. – Валентино должен мечтать о том, чтобы я получил подобный приказ. Существовать такой приказ на самом деле, он бы распорядился, чтобы солдаты сами привели вас к воротам замка и уж ни в коем случае не чинили бы вам препятствий. Или в мои рассуждения закралась ошибка? Тогда укажите мне на нее.

Перед Лоренцо разверзлась пропасть. Он понял, что проиграл.

– Объяснение тому есть, это несомненно, но дать его вам может только герцог Гвидобальдо. Я не более чем исполнитель. И делаю лишь то, что мне поручено, не спрашивая, зачем это нужно, – говорил он спокойно, ровным голосом, гордо откинув голову, но сердце его гулко билось в груди. – Когда мне сказали, что брать с собой письмо опасно, я не стал задавать вопросов, а отправился к вам. И до последнего момента не думал, что отсутствие письма может показаться столь подозрительным. Теперь я вижу, что стал жертвой собственной наивности.

Пока он говорил, Толентино не сводил глаз с его лица. Вроде бы слова мессера Лоренцо не оставляли сомнений в том, что он лжет, но слишком уж уверенно держался посол.

– По крайней мере, хоть чем-то вы можете доказать, что посланы его светлостью герцогом Гвидобальдо? – спросил кастелян.

– Нет, – покачал головой Кастрокаро. – Собирался я в спешке. Герцог, похоже, не предполагал, что в Сан-Лео могут усомниться в достоверности его послания.

– Не предполагал? – хмыкнул Толентино. – А как вы попали в замок?

– Забрался с равнины по южному склону, который считается неприступным, – на лице кастеляна отразилось изумление. – Я – уроженец здешних мест. И в детстве часто поднимался к замку. Потому-то герцог Гвидобальдо и остановил свой выбор на мне.

– А когда вы перелезали через стену, вы попросили часового сбросить вам веревку?

– Нет. Вербку я принес с собой. Вместе с крюком.

– Но зачем? Вас же послал Гвидобальдо? – кастелян повернулся к солдатам. – Где вы его нашли?

Бернардо торопливо ответил, что наткнулись на него в тоннеле, соединяющем внутренний и наружный дворы, когда вышли из караулки.

Толентино рассмеялся и смачно выругался.

– Вот оно что! Вы незамеченным прокрались мимо часового и, как только вас обнаружили на территории замка, решили стать послом Гвидобальдо, принесшим мне приказ о капитуляции. А ваши пренебрежительные реплики о бдительности наших часовых не более чем прикрытие ваших истинных намерений. Неплохо задумано, но пользы вам это не принесет. Жаль, конечно, скручивать шею такому голосистому петушку, но ничего не поделаешь, – он вновь рассмеялся.

– Никогда не слышал более идиотских рассуждений, – бросил Лоренцо, понимая, что терять ему уже нечего.

– Идиотских? Позвольте с вами не согласиться. Вы вот утверждаете, что Гвидобальдо послал вас только потому, что вам известна тайная тропа к замку. Подумайте теперь, сколь глупо это утверждение. Вы, конечно, можете упираться на то, что секретность вашей миссии – желание Гвидобальдо, но кто в это поверит? Чтобы посол герцога тайком, рискуя жизнью, проникнул в Сан-Лео с приказом сдаться Чезаре Биржа. – Толентино пожал плечами и рассмеялся в побледневшее лицо мессера Лоренцо. – Так кто из нас больший идиот, господин мой? – а затем, резко изменив тон, махнул рукой солдатам. – Взять его и обыскать.

Мгновение спустя они завалили Лоренцо на пол, вытряхнули из одежды. Вывернули все карманы, вспороли подкладку камзола, но ничего не нашли.

– Неважно, – Толентино вновь забрался в постель. – Улик его вины более чем достаточно. На ночь посадите его под замок. А утром мы скинем его со стены. И, клянусь Богом, спуск займет у него меньше времени, чем подъем.

Глава 4

Запертый в караулке, какой смысл сажать человека в подземелье, если жить ему осталось несколько часов, мессер Лоренцо Кастрокаро провел тревожную ночь. Совсем юный, полный сил, энергичный, он не мог безучастно ждать прихода смерти. За два года службы у Борджа он видел смерть, не раз имел с ней дело. Но то была смерть для других, и только теперь он осознал, что она взяла да похлопала его по плечу. Он, конечно, понимал, что экспедиция в Сан-Лео сулит немалые опасности, но отправился туда в полной уверенности, что уж смерть-то ему не грозит. Ибо пребывал в том возрасте, когда человек полагает себя бессмертным. Даже лежа на деревянной скамье в караулке, он отказывался верить, что не переживет завтрашнего дня. Слишком внезапно случилась катастрофа, слишком буднично, а смерть – дама серьезная, столь скромно, не объявив о себе, она не заявится.

Лоренцо тяжело вздохнул и попытался устроиться поудобнее на жесткой скамье. О многом передумал он в эти минуты. Вспомнилось детство, мать, товарищи по оружию, боевые подвиги. Он видел себя прорывающим кордон защитников Форли, перегородивших брешь в стене, в кавалерийской атаке у Капуи, плечом к плечу с герцогом Валентино. Как живые предстали перед ним мертвецы, лежащие вокруг. До мельчайших деталей вспомнил он, как они выглядели после смерти. Завтра и он будет точно таким же, твердил ему рассудок. Но сердце отказывалось в это поверить.

Затем мысли его заняла мадонна Бьянка де Фораванти, увидеть которую ему уже не доведется. Давно уже его тянуло к этой даме, Втайне от всех он даже сочинял в ее честь стихи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.